

ИСТОРИЧЕСКИЯ СКАЗАНИЯ

ЖИЗНИ СВЯТЫХ

ПОДВИЗАВШИХСЯ

въ

ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ

ПРОСЛАВЛЯЕМЫХЪ ВСЕЮ ЦЕРКОВЬЮ И МѢСТНО ЧТИМЫХЪ.

И на же зѣло честии сыша друзи
твои, бояре, зѣло утверждшися важдыче-
ствія ихъ: изѹчте ихъ, и паче песни ху-
никитса.

Член. РГИ, № 11.

— — — — —
ВОЛОГДА.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ В. А. ГУДКОВА-БѢЛЯЕВА.

1880.

ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛІЙ КОМЕЛЬСКІЙ.

Среди многочисленного сонма святыхъ подвижниковъ Вологодской страны, пр. Корнилій Комельскій занимаетъ одно изъ первыхъ и самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ по строгости жизни, по трудности и высотѣ своихъ подвиговъ, такъ и по тому огромному вліянію, которое онъ имѣлъ на современниковъ, особенно на иноковъ: онъ воспиталъ множество святыхъ учениковъ, бывшихъ впослѣдствіи основателями монастырей и распространившихъ въ нихъ его уставъ—единственный письменный памятникъ, дошедший до насъ изъ трудовъ Вологодскихъ чудотворцевъ. Разбойническій приトンъ въ Комельскомъ лѣсу, обращенный Корниліемъ въ иноческую обитель, долго служилъ колыбелью и разсадникомъ иночества и много способствовалъ утвержденію вѣры и гражданственности въ окрестности.

Житіе пр. Корнилія написано вскорѣ послѣ его кончины однимъ изъ его постриженниковъ, хорошо знавшимъ великаго старца и бывшимъ очевиднымъ свидѣтелемъ многихъ его подвиговъ. Впрочемъ, не смотря на это, оно не отличается обиліемъ фактовъ продолжительной и чудной жизни подвижника и весьма кратко упоминаетъ о томъ, что было до его постриженія

Пр. Корнилій происходилъ изъ знатнаго рода Крюковыхъ. Во время княженія Василія Васильевича Темнаго родъ Крюковыхъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Ростовѣ по своему богатству и знатности, такъ что извѣстенъ и близокъ былъ къ самому великому князю, а одинъ изъ Крюковыхъ по имени Лукіанъ служилъ при дворѣ, исправляя должность дьяка при великой княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, за которую послѣдовалъ изъ Ярославля въ Москву, когда великій князь, побѣдивши Шемяку, снова утвердился въ Москвѣ. У Лукіана оставался въ Ростовѣ братъ Федоръ съ супругою Варварою и съ малолѣтними дѣтьми, но такъ какъ родной ихъ городъ еще со временъ Донскаго началь приходить въ упадокъ, а Москва, несмотря на всѣ тревоги княжескія Темнаго, все болѣе и болѣе усиливалась и для дворянъ и богатыхъ людей жизнь въ ней становилась привольнѣе и безопаснѣе, то Лукіанъ не только вызвалъ къ себѣ брата, но по ходатайству дяди четвертый сынъ Федора Корнилій взять былъ ко двору и зачисленъ въ службу при великой княгинѣ. Оставался ли самъ Федоръ въ Москвѣ до своей кончины или возвратился въ Ростовъ—неизвѣстно; извѣстно только, что младшій (пятый) сынъ его Акинеї впослѣдствіи жилъ въ Ростовѣ, въ дому отчемъ, а Корнилій воспитывался подъ руководствомъ дяди своего въ Москвѣ. Для воспитанія отрока нельзя было найти лучшаго мѣста, какъ тогдашній великокняжескій дворъ, не уступавший въ самомъ строгомъ исполненіи всѣхъ правилъ церковнаго устава ни одной иноческой обители. Здѣсь Корнилій могъ видѣть и изучать одно только доброе. Современный списатель его жизни называетъ великую княгиню Марію, скончавшуюся иночинею-именитою благочестіемъ и милостію паче всѣхъ прежде бывшихъ; дѣйствительно, испытанная несчастіями и всецѣло преданная воспитанію дѣтей своихъ—сверстниковъ Корнилія, она могла служить для юнаго царедворца самымъ лучшимъ живымъ примѣромъ для подражанія. Но-

лодой человѣкъ какъ нельзя болѣе воспользовался счастливо сложившимися обстоятельствами своей юности: пріобрѣль познанія въ наукахъ, получивъ самое лучшее по тогдашнему времени образование, а вмѣстѣ съ этимъ сохранилъ чистоту сердца и неповрежденность нравовъ, такъ что не-достигши еще совершенныхъ лѣтъ овъ казался уже мужемъ совершеннымъ. Съ ранняго возраста начало въ немъ раз-виваться влеченіе къ жизни созерцательной, отшельнической, которое подъ вліяніемъ бесѣдъ дяди и великой кня-гини, стремившихся къ иночеству, усилилось въ немъ еще болѣе и дошло до того, что когда престарѣлый Лукіанъ оставилъ придворную службу и постригся въ Кирилловѣ, за нимъ послѣдовалъ туда же и двадцатилѣтній Корнилій, ¹⁾ хотя служба при дворѣ великаго князя могла доставить ему честь, богатство и другія житейскія выгоды.

Принявши иночество, Корнилій отказался отъ своей воли и всецѣло предалъ себя руководству своего наставника

---

1) Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ, а оттуда и въ печатныхъ кипахъ, напр. въ Житіяхъ святыхъ Муравьевъ, въ русскихъ святыхъ Филипета, въ разсказахъ изъ исторіи русской церкви графа Толстаго и въ описании Корниліева монастыря (1831 года) говорится, будто-бы пр. Корнилій принялъ монашество 12 лѣтъ. Но въ болѣе древнихъ и исправленныхъ рукописяхъ и въ исторіи русской іерархіи (часть IV, стр. 652) показывается, что въ это время ему было уже 20 лѣтъ, что по нашему мнѣнію гораздо ближе къ истинѣ, потому что до принятія монашества Корнилій нѣсколько лѣтъ служилъ при дворѣ в. княгини, а по принятіи иночества трудился въ хлѣбѣ—самомъ тяжеломъ послушаніи, требующемъ не малыхъ физическихъ силъ, и трудился такъ, что усиливаясь сѣдѣть за двоихъ. Возможно ли этого требовать отъ 12 лѣтнаго отрока? Кромѣ того пр. Корнилій носилъ вериги и лохи проводилъ въ иереницѣ кипы. Ни дядя Корнилія Лукіанъ; ни игуменъ монастыря конечно не позволили бы 12 лѣтнему мальчику разстраивать своего здоровья и такъ сказать убивать себя веригами. Къ тому же 12 лѣтніе каллиграфы и иные рѣдкости даже и между старцами?

Геннадія²), старца прозорливаго и посъдѣвшаго въ духовныхъ подвигахъ, новицуюсь ему съ любовию какъ отцу и не дѣлая ничего безъ его воли и благословенія. Молодому царедворцу, воспитанному среди шума столицы, въ богатствѣ и роскоши, столько понравилась суровая жизнь смиреннаго послушника въ тиши монастырской кельи, что онъ захотѣлъ сдѣлать участникомъ ея и младшаго брата своего Акишѣя. Съ этой цѣллю онъ, послѣ семи лѣтъ, проведенныхъ имъ неисходно въ обители, просилъ позволенія у своего наставника сходить на родину, чтобы склонить брата къ принятію монашества и привести съ собою въ монастырь. Желаніе Корнилія исполнилось: Акинѣй изъявилъ согласіе и при постриженіи былъ нареченъ Анемомъ. Корнилій плакалъ отъ радости, видя любимаго брата своего въ ангельскомъ чинѣ, и самъ предался еще большимъ подвигамъ. «Кто не знаетъ Кирилловскихъ хлѣбней?» говоритъ его жизнеописатель, желая тѣмъ выразить тяжесть трудовъ, на которые обрекъ себя Корнилій. Точно, въ хлѣбнѣ многолюднаго тогда Кириллова монастыря не мало стоило труда и пота каждому исполнить одно только свое дѣло, а Корнилій охотно принималъ на себя трудъ и за другихъ, исполняль урочное дѣло слабыхъ и менѣе усердныхъ ино-ковъ и въ то же время носиль тяжелыя, желѣзныя вериги. Проводя дни въ хлѣбнѣ въ тяжкихъ трудахъ, онъ и ночью мало предавался покою, занимаясь списываніемъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя хранятся въ Кирилловомъ монастырѣ и донынѣ, или стоя на молитвѣ совершаль свое правило и клалъ многочисленные земные поклоны. Таковъ былъ сей великий труженикъ, такимъ и остался до конечнаго—уже въ глубокой старости—изнеможенія своихъ силъ!

Въ то время въ Кирилловомъ монастырѣ довольно часто перемѣнялись настоятели, такъ что со временеми игумена Ген-

---

2.) Геннадій былъ игуменомъ Кириллова монастыря въ 1482 году, но тотъ ли, которому былъ порученъ Корнилій—неизвѣстно.

надія, при которомъ постригся Корнилій, въ течениі только ста лѣтъ ихъ было до 16-ти, что конечно не могло много способствовать строгому исполненію устава пр. Кирилла и нравственному усовершенствованію братіи. Кроме того многочисленныя толпы мірскихъ людей обоего пола постоянно наполняли монастырь и искали въ немъ не столько наставлений и пищи духовной, сколько дароваго хлѣба и пристанища, наконецъ многолюдство самой братіи и монастырскихъ служителей—не могло не тяготить людей, всецѣло преданныхъ богомыслю и стремившихся къ безмолвію. Вслѣдствіе этого Корнилій, прошедши уже всѣ болѣе тяжелыя послушанія и ревнуя о высшемъ совершенствѣ, вышелъ изъ монастыря, чтобы въ другихъ обителяхъ ³⁾ видѣть труды и подвиги мужей, опытныхъ въ духовной жизни, и пользоваться ихъ наставленіями; подобно птицѣ онъ искалъ себѣ гнѣзда и какъ пчела извлекаетъ медъ съ различныхъ цвѣтовъ, такъ и онъ вездѣ старался приобрѣтать себѣ духовную пользу изъ всего, что видѣлъ и слышалъ. Побыавъ во всѣхъ, близайшихъ къ Кириллову монастыряхъ и пустыняхъ, пр. Корнилій направился къ Новгороду, славившемуся тогда множествомъ иноческихъ обителей; онъ былъ радушно принятъ и обласканъ архіепископомъ Геннадіемъ, въ домѣ котораго и остановился. Ревнитель просвѣщенія, такъ горячо жаловавшійся на безграмотность ставленниковъ и невѣжество духовенства, радъ былъ встрѣтить въ странникѣ рѣдкое по тогдашнему времени книжное образованіе; короче познакомившись съ пр. Корнилемъ, онъ отъ души полюбилъ богоязненнаго и опытнаго въ духовной жизни ищока, часто и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и, чтобы навсегда удержать его при себѣ, хотѣлъ рукоположить его въ санъ священства; но смиренный Корнилій уклонился отъ такой почести, считая

3.) У монашествующихъ того времени было обыкновеніе странствовать по монастырямъ и пустынямъ, славившимся строгостью правилъ и святостью жизни подвизавшихся въ нихъ старцевъ.

себя недостойнымъ ся, изъ опасенія же быть вынужденнымъ къ принятию священнаго сана, оставилъ архіерейскій домъ и удалился въ пустыню недалеко отъ города. Удивился владыка смиренію преподобнаго и не докучая ему болѣе принятіемъ сана, посыпалъ ему все необходимое для жизни, часто призывалъ къ себѣ для духовныхъ совѣтовъ и однажды самъ пришелъ посвѣтить его въ пустынѣ. Тяжела показалась отшельнику такая честь: «кто я недостойный, чтобы ты владыко пришиль на себя такой трудъ и пришелъ ко миѣ въ келью,» говорилъ онъ Геннадію. Въ самомъ дѣлѣ когда посѣщеніе архіепископа обратило на старца вниманіе народа и указало дорогу къ его пустынной кельѣ, когда отовсюду во множествѣ стали приходить къ нему посѣтители для духовныхъ совѣтовъ и наставлений, любитель безмолвія ужаснулся и бѣжалъ въ тверскіе предѣлы, надѣясь тамъ найти себѣ такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ невѣдомо для людей посвятить себя на служеніе Богу. Въ 12 верстахъ отъ Твери въ дремучихъ лѣсахъ, которые еще недавно были не вездѣ проходимы на лѣвомъ берегу рѣки Орши, впадающей въ Волгу, находилась Савватіева пустыня (нынѣ село Савватіево), стоявшая на зимней кашинской дорогѣ въ Тверь. Близъ этой пустыни ир. Корнилій обрѣлъ мѣсто, удобное для безмолвнаго пребыванія ⁴), но не долго пробылъ на немъ, потому что и здѣсь онъ не нашелъ вожделѣнной тишины и безмолвія. Братья Савватіевой пустыни и приходившіе въ нее страшники и богомольцы стали посѣщать уединенную келью

5.) Мѣсто это и пынѣ рѣзко обозначается нѣсколькими огромными соснами, растущими между мелкимъ лѣсомъ и обнѣняющими небольшой курганъ или холмъ, внутри которого находится три или четыре весьма тѣсныя кельи, поддерживаемыя въ первобытномъ ихъ состояніи отъ Савватіевской церкви. Курганъ обведенъ рвомъ и при немъ находится колодезь. Сюда ежегодно 27 Сентября изъ Савватіевской церкви бываетъ крестный ходъ и надъ колодеземъ при многочисленномъ стеченіи народа совершается водосвятіе. Курганъ находится отъ села и—кашинской дороги саженяхъ въ 200.

Корнилія, прося его совѣтовъ и наставлений, вслѣдствіе чего преподобный снова рѣшился бѣжать и искать себѣ другаго мѣста. Такое странствованіе, переходженіе съ мѣста на мѣсто не было однако же празднѣмъ: онъ собирая опыты духовной жизни, терпѣль для Господа голодъ и жажду, зной и холодъ, хотя по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся людей и бѣгаль славы человѣческой, возрастало къ нему уваженіе людей и слава всюду слѣдовала за нимъ какъ тѣнь. Оставивши уединенную келью близъ Савватіевой пустыни, пр. Корнилій жилъ въ лѣсахъ и безлюдныхъ пустыняхъ, вынужденный переходить съ одного мѣста на другое то по той, то по другой причинѣ. Переходя изъ лѣса въ лѣсъ, изъ дебри въ дебри ища глубочайшаго уединенія, онъ пришелъ иаконецъ въ вологодскіе предѣлы и остановился въ комельскомъ лѣсу на высокомъ берегу рѣки Нуры; тамъ, гдѣ съ правой стороны впадаетъ въ нее рѣчка Талица, онъ нашелъ на возвышенной побатости въ густомъ лѣсу малую хижину, построенную разбойниками, и помолившись Богу, поселился въ ней. Хотя преподобный видѣлъ, что онъ зашель въ опасное мѣсто и догадывался о нравахъ и запятіяхъ обитателей хижины, но падясь на помощь Божію, рѣшился не оставлять ее. «Не убоюся, что сотворить мнѣ человѣкъ?» говорилъ онъ самъ съ собою, повторяя слова Псалмонѣвца, и началь рубить лѣсъ и очищать мѣсто около хижины, трудясь съ утра до вечера, а ночи проводя въ плаимопѣнii и молитвѣ. Это было уже при державѣ великаго князя Иоанна III въ 7005 (1497) году. Изумились разбойники, когда нашли, что ихъ притонъ занять старцемъ, а лѣсъ около него вырубленъ; чтобы заставить Корнилія удалиться, они стали всячески его притѣснить и угрожать ему смерти. «Уйди отъ насъ, говорили они, если не хочешь быть убитымъ,» но преподобный, противопоставляя имъ злобѣ и дерзости—кротость и терпѣніе, пребывалъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи. Вскорѣ атаманъ разбойниковъ былъ убитъ и шайка его раз-

съялась, оставивъ старца сиокойно владѣть хижиню. Но едва онъ успѣлъ освободиться отъ одной опасности, какъ настала другая. Разъ, когда онъ молился и пѣлъ псалмы въ хижинѣ, на него напала новая толпа разбойниковъ, надѣясь найти у него имѣнья и деньги. Грабители были столь злы и завидливы, что, когда ничего не могли найти въ хижинѣ старца, унесли у него книги, по которымъ онъ молился, хотя для разбойниковъ они были совершенно не нужны. Блуждая съ ними всю ночь по лѣсу и думая, что уже далеко ушли отъ кельи старца, разбойники утомленные легли спать, но вставши по утру къ изумлению своемуувидѣли, что они всю ночь трудились напрасно и снова находятся близъ хижины старца. Это такъ ихъ поразило, что они сознали свой грѣхъ, возвратили старцу книги и испросивъ у него прощеніе въ нанесенномъ ему оскорблѣніи, мирно удалились, обѣщаюсь исправиться.

По удаленіи разбойниковъ пр. Корнилій пѣсколько времени прожилъ въ совершенномъ одиночествѣ и безмолвіи, пребывая въ трудѣ и молитвѣ, рубилъ ли преподобный лѣсъ, кошаѣ ли землю или дѣлалъ что другое, молитва не сходила съ его усть. Мало по малу одинъ за другимъ стали приходить къ нему люди, желавшіе раздѣлять съ нимъ пустынныіе труды; старецъ принималъ ихъ и съ этого времени еще болѣе сталъ трудиться, чтобы шире разчистить мѣсто и завести пашню для пропитанія своего и жившихъ съ нимъ. Онъ хотѣлъ пытаться трудами рукъ своихъ и за грѣхъ считалъ ходить въ мірѣ и собирать подаянія. Пустынники молились сперва каждый въ своей кельѣ, такъ какъ опредѣленного мѣста для общей молитвы еще не было, но когда число ихъ умножилось, они стали просить Корнилія устроить церковь, считая великимъ ущербомъ и вредомъ для души лишеніе Божественной службы. Корнилій, услышавъ о благочестивомъ желаніи своихъ сподвижниковъ, былъ весьма радъ и со слезами благодарили Бога, потому что и

самъ сердечно желалъ того же, и только любовь къ безмолвію заставила его проживать безъ храма въ пустынныхъ мѣстахъ. Теперь же онъ ясно видѣлъ, что пора уединенія и безмолвія для него уже прошла, что настало время жить не для себя только, но потрудиться и для пользы братіи и страшный разбойническій притонъ обратить въ святую обитель для ищущихъ. Онъ одобрилъ желаніе братіи и первый устремился на дѣло, началъ рубить лѣсъ для построения церкви, а такъ какъ церковь требовалась для нихъ небольшая и пустынники немного заботились о ея красотѣ и великолѣпії, то общими силами она вскорѣ и была построена. Въ 1501 году, на четвертый годъ по прибытии пр. Корнилія на это мѣсто, церковь освятили въ честь Введенія во храмъ Богоматери и самъ старецъ Корнилій былъ рукоположенъ митрополитомъ Симономъ (1 Февраля) во священника и определенъ настоятелемъ возникающей обители къ великой радости всего пустынного братства. Рѣшась жить въ обществѣ братіи, блаженный Корнилій не щадилъ себя для ихъ пользы, на ряду съ другими трудился въ лѣсу и въ обители и вообще для устройства обители онъ перенесъ столько трудовъ и усилий, что невозможно и выразить всего того, что ему привелось претерпѣть. Однъ разъ разбойники, досадуя на него, какъ на помѣху ихъ ремеслу, избили его такъ, что онъ прибрелъ въ свою келью едва дыша; въ другой разъ когда шелъ по лѣсу — на него обрушилось дерево, мимо котораго онъ шелъ, несмотря на то, что вѣтру не было и что мимо того же дерева благополучно прошли нередъ имъ братія; ударъ былъ такъ тяжелъ, что его замертво унесли въ келью и преподобный цѣлые три мѣсяца не вставалъ съ постели и братія уже отчаялись въ его выздоровлениіи. Немного поправившись онъ вышелъ однажды посмотретьъ на плотинную работу, сѣлъ на краю сруба и упавши съ него, разбился пуще прежняго и едва не лишился жизни. Потомъ еще разъ въ лѣсу свалилось на него дерево и его привели въ келью

сь разбитою головою—и все это онъ терпѣливо переносилъ, не позволяя себѣ ни жалобы, ни ропота. Не мало пришлось ему перенести неурѣзностей и огорчений и за самое мѣсто, гдѣ основалась его пустынная обитель. На него жаловались даже великому князю между прочимъ за то, будто онъ отнимаетъ чужую собственность, тогда какъ онъ заселялъ непроходимый лѣсъ, никому не принадлежавший и служившій до него только притономъ разбойниковъ. Всѣмъ такимъ настасямъ блаженный старецъ противоставлялъ одно оружіе—терпѣніе. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ злыя люди старались чернить Корнилія, люди добрые, короче знавшіе старца, удивлялись его кротости и терпѣнію и смотрѣли на него, какъ на истишаго раба Божія, какъ на одного изъ древнихъ великихъ отцевъ, слава о немъ возрастала и распространялась все болѣе и болѣе, такъ что самъ великий князь Василій Ивановичъ, наслушавшись о трудахъ комельского подвижника, сталъ питать къ нему глубокое уваженіе.

Пустынная обитель Корниліева была не богата, не имѣла ни сель, ни угодій, ни другихъ какихъ-либо удобствъ и выгодъ, по своимъ постройкамъ она далеко уступала другимъ монастырямъ, иноскіи собственнымъ трудомъ должны были спискивать себѣ иронитаніе,—рубить лѣсъ и заводить пашню. Не смотря на все это—отовсюду стремились сюда люди, искавшіе иноческой жизни, число братіи увеличивалось съ каждымъ годомъ, такъ что церковь, первоначально построенная Корниліемъ, уже не могла вмѣщать всѣхъ и необходимо было озаботиться построениемъ болѣе обширной и помѣстительной. Такъ какъ у Корнилія не было ни денегъ, ни другихъ какихъ либо средствъ—нанять мастеровъ для строенія, то онъ, собравши всю братію на совѣтъ, предложилъ имъ самимъ потрудиться въ созданіи храма, на что тѣ съ радостію и согласились. Взялись работать кто что умѣлъ: одни рубили стѣны и плотничали, другие рѣзали иконостасъ и писали иконы, иные писали книги, а самъ bla-

жевный старецъ, поощряя братію къ трудамъ, постоянно со слезами молился Богу объ успѣшномъ окончаніи начатаго дѣла и по его молитвамъ, при единодушномъ стараніи всей братіи, церковь вскорѣ была построена. Новая церковь, по благословенію митрополита Варлаама, освящена была какъ и прежняя въ честь Введенія во храмъ Пресвятая Богородица. Освященіе произошло въ 7023 (1515) году, въ 19 лѣто по прибытии пр. Корпилія на берегъ Нуры. По освященіи новой церкви пр. Корпилій назначилъ чреды служенія въ ней священникамъ, діаконамъ, чтецамъ и пѣвцамъ, опредѣлилъ еклесіарха и ввелъ весь порядокъ и чинъ священослуженія, какой обыкновенно держится въ благоустроенныхъ и многолюдныхъ общежительныхъ монастыряхъ. Потомъ при братской трапезѣ онъ построилъ еще храмъ во имя начальника пустынной жизни пр. Автонія великаго, чтобы братія, молясь во храмѣ, посвященномъ его имени, чаще приводили себѣ на память этотъ первообразъ и почества и легче могли усвоить себѣ духъ истиннаго пустыножительства. Бельи для братіи были построены съ четырехъ сторонъ одна возлѣ другой, такъ что замыяли собою ограду и давали монастырю видъ четырехъугольника, въ срединѣ котораго находились церкви. Какъ заботливый хозяинъ построивъ въ монастырѣ больницу, поварню, пекарню и прочія необходимыя для братіи службы, блаженный старецъ незабылъ нищихъ и странныхъ, а какъ сердобольный отецъ выстроилъ для нихъ въ монастыря богадѣльню и странно-пріимницу. Веденіе хозяйства онъ поручилъ келарю и далъ ему въ помошь нарядчиковъ, требуя отъ нихъ, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло и во всемъ соблюдался строгій порядокъ, а для этого кроме устныхъ наставлений, всѣмъ членамъ духовнаго братства далъ еще и письменный уставъ и самъ строго сѣдили за его исполненіемъ. «Самъ же старецъ вельми подвизашеся «день и ночь и во вся службы призираніи всѣхъ обхож-

«даше видѣти тружающихся и въ монастырѣ и па нивахъ «и всѣхъ посѣщаше и утѣшеніе подаваше противу труду „коегождо ихъ“, говорить о немъ очевидецъ, списатель его житія. Зная по собственному опыту, сколь необходимо и полезно иноку уединеніе и безмолвіе и какъ много вредить душѣ певоздержаніе языка, пр. Корнилій учила братію и среди многолюднаго общежитія вести жизнь молчаливую и удерживаться отъ безполезныхъ разговоровъ другъ съ другомъ. Попечительный отецъ и бдительный стражъ братіи преподобный имѣлъ обыкновеніе обходить позднимъ вечеромъ братскія кельи и слушать, кто чѣмъ занимается. Если примѣчалъ, что кто-нибудь упражняется въ молитвѣ и псалмопѣніи, или въ иномъ полезномъ дѣлѣ, то радуясь и благодаря Бога тихо отходилъ прочь; если же слышалъ гдѣ безполезные разговоры или смѣхъ, то слегка ударивъ пальцами въ оконницу, давалъ знать о своемъ приходѣ и тѣмъ останавливая и приводилъ въ стыдъ праздсловящихъ. Послѣ въ общихъ собраніяхъ, преподавая наставленіе братіи, преподобный упоминалъ объ этихъ случаяхъ и не указывая на лица, говорилъ противъ грѣха и дѣлалъ вразумленія, если же въ комъ встрѣчалъ упорство и неповиновеніе, то виновнаго подвергалъ епитиміи. Чтобы утвердить братію въ строгомъ исполненіи данного имъ устава, главное правило котораго состояло въ томъ, чтобы ничего не начинать безъ благословенія настоятеля, онъ далъ братіи самый разительный урокъ. Однажды старшій надъ пекарями испекъ хлѣбы, не приявъ на то, какъ требовалось по уставу, благословенія старца. Узнавши отомъ, пр. Корнилій приказалъ всѣ испеченные хлѣбы скласть въ сани, вывезти на большую дорогу и бросить, чтобы, какъ онъ говорилъ, и собаки монастырскія не ъли этого неблагословленаго хлѣба, а хлѣбовъ было испечено цѣлыхъ два воза.

Преподобный жилъ учованіемъ на Господа и Господь охранялъ его своею защитою, не попуская злымъ людямъ

наносить ему вреда. Вскорѣ по прибытии своемъ на Нурму, за версту отъ того мѣста, гдѣ жилъ самъ, преподобный выкопалъ на большой Московской дорогѣ колодезь и поставилъ при немъ крестъ съ тѣмъ, чтобы проходящіе могли утолять свою жажду и оставлять тутъ свою милостыню, незаходя къ нему въ пустыню, ибо не хотѣлъ, чтобы мѣрскіе люди тревожились для обители и своимъ посѣщеніемъ нарушали безмолвіе иноковъ. Впослѣдствіи тутъ была поставлена небольшая часовня и одному изъ братій, по имени Ананіи, было поручено принимать подаянія и приносить въ монастырь. По молитвѣ святаго старца подаянія были щедрыя, но Ананія прельстился ими и сталъ употреблять ихъ въ свою пользу, въ чемъ и былъ чудеснымъ образомъ обличенъ. Въ обители было обыкновеніе предъ принятиемъ антидора подходить братіи къ иконѣ Богоматери и положивъ поклонъ цѣловать ее; когда Ананія подошелъ къ иконѣ и хотѣлъ приложиться, икона поднялась кверху, онъ покушался приложитьсь къ ней въ другой и третій разъ, по икона (опускавшаяся когда прикладывались къ ней другіе) всякий разъ поднималась на воздухъ, лишь только подходилъ къ ней Ананія, такъ что онъ нехотя вынужденъ былъ исцеловать свой грѣхъ.

Хотя блаженный старецъ, какъ сердобольный отецъ, со всѣми былъ кротокъ и милостивъ, всѣхъ принималъ съ искреннимъ радушіемъ и любовію и старался утѣшить и успокоить каждого, — нашлись однако въ средѣ многолюднаго его братства двое такихъ недоброжелателей, которые рѣшились даже убить его. Будучи нарядчиками рабочихъ и зная, что преподобный и самъ пойдетъ въ поле, они, чтобы исполнить свой злой умыселъ, засѣли подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму и ожидали прихода старца. По обыкновенію своему рано утромъ старецъ вышелъ одинъ, поспѣвшая до обѣдни сходить въ поле, проходя по мосту, онъ тихо сотворилъ молитву и спокойно продолжалъ свой путь, неподо-

зрѣвая о зломъ умыслѣ нарядчиковъ. Между тѣмъ нарядчикамъ, сидѣвшимъ подъ мостомъ, показалось, что множество людей провожаетъ игумена, почему они и несмѣли показаться изъ-подъ моста, отложивъ свое памѣреніе до другаго времени. Но когда то же самое повторилось въ другой и въ третій разъ, то подрядчики зпая, что провожать Корнилія было не кому и видя его у рабочихъ въ полѣ одного, объяты были ужасомъ и со слезами раскаянія пали къ ногамъ игумена, испрашивая прощенія въ страшномъ своемъ грѣхѣ. Незлобивый старецъ великодушно простилъ имъ все и ни въ чемъ не отличилъ ихъ отъ прочей братіи. Такъ самъ Господь хранилъ своего угодника и достояніе его обитали.

Преподобный Корнилій всегда былъ сострадателъ и милостивъ бѣ нищимъ, но особенно любилъ раздавать имъ милостию въ храмовые праздники обители: въ день Введенія во храмъ Пресвятаго Богородицы и преподобнаго Антонія великаго, одѣляя въ эти дни каждого нищаго хлѣбомъ, просфорою и деньгою. Случалось однажды, что въ навечеріе праздника Антонія великаго собралось въ монастырь множество нищихъ, зпавшихъ обыкновеніе старца, а подавать было вечего. Блаженный припалъ съ молитвою къ Богу, прося ходатайства Божіей Матери и пр. Антонія, и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня пришелъ посланный отъ великаго князя Василія Ивановича и принесъ отъ него преподобному 21 рубль. Возблагодаривъ Бога, что Онь не презрѣлъ его молитвы, блаженный старецъ съ особеною любовью раздалъ нищимъ щедрую милостию, ради ихъ ему посланную. Въ другой разъ въ тотъ же праздникъ пр. Антонія, когда Корнилій по своему обыкновенію одѣлялъ каждого нищаго хлѣбомъ, калачемъ, просфорою и деньгами, многіе подходили для принятія милостиин по два, по три и даже до пяти разъ,-тогда приставники, замѣтивши злоупотребленіе и безстыдство нищихъ, донесли о томъ старцу,

но онъ отвѣчалъ имъ: «не трогайте ихъ, они затѣмъ пришли» и велѣлъ подавать безъ разбора каждому просищему и за этотъ подвигъ милосердія и любви въ тотъ же день утѣшенъ былъ чудеснымъ видѣніемъ. Вечеромъ, послѣ соборной молитвы и обычнаго правила, когда преподобный присѣлъ отдохнуть въ своей кельѣ и задремалъ, ему явился въ тонкомъ снѣ великий отшельникъ египетскій въ томъ видѣ, какъ изображенъ былъ въ церкви на иконѣ, взялъ его за руку и велѣлъ слѣдовать за собою. Онъ вывелъ Корнилія на широкое мѣсто, на которомъ лежали грудами на одной сторонѣ просфоры, а на другой калачи и сказалъ ему: «вотъ твое подаяніе нищимъ, собери его къ себѣ въ полы одежды», — Корнилій набралъ столько, что милостыни стали сыпаться вонъ изъ полы. Пробудившись пр. Корнилій подивился видѣнію, со слезами радости рассказалъ о немъ братіи и заповѣдалъ не только при себѣ, но и по кончинѣ своей щедро подавать милостыню нищимъ. Такъ блаженный нищелюбецъ хотѣлъ благотворить и по смерти!

Въ самомъ блестательномъ видѣ милосердіе и вѣра пр. Корнилія открылись во время голода, постигшаго Вологодскую страну, когда четверть ржи продавалась по рублю и болѣе, да и за эту цѣну трудно было достать хлѣба. Голодъ усилился до того, что родители бросали своихъ дѣтей предъ воротами монастыря и множество народа со всѣхъ сторонъ устремилось къ преподобному, прося хлѣба. Блаженный старецъ устроилъ для дѣтей богадѣльню на монастырскомъ дворѣ и велѣлъ ихъ пропитывать, а голоднымъ отворилъ монастырскія житницы и ежедневно выдавалъ хлѣбъ всѣмъ нуждающимся¹⁾) и не смотря на это, по молитвамъ преподобнаго обитель не только не оскудѣвала, но еще болѣе стала во всемъ изобиловать къ величайшему

---

1) Кромѣ того онъ часто подавалъ милостыню тайно отъ братіи, чтобы не огорчить ихъ своею чрезмѣрною щедростію.

удивлению братии, опасавшейся отъ чрезмѣрной щедрости Корнилія голода для самихъ себя.

Не за одною только тѣлесною пищею собирался народъ въ пустынную Комельскую обитель, многіе приходили для того, чтобы получить благословеніе духовнаго старца, послушать его наставленій, посовѣтоваться съ нимъ о спасеніи души и получить отъ него разрѣшеніе своихъ недовѣрій. Блаженный Корнилій приималъ каждого съ отеческою любовью и слово его было елеемъ утѣшения для страждущихъ и удрученныхъ какою-либо скорбю сердцъ. «Корнилій же, дарованіемъ Божіимъ, приходящимъ къ нему съ вѣрою вся разрѣшаще, вся сказоваше и всѣхъ благословляше и утѣшаše и ниединаго скорбна отпушаše.» Прозорливый старецъ проникалъ въ сердце человѣка, открывалъ намѣренія и предсказывалъ будущую его судьбу. Такъ однажды, когда пришли къ нему два юноши, совершенно ему неизвѣстные, онъ спросилъ ихъ: «зачѣмъ вы пришли сюда въ эту бѣдную пустынь?» «Желаемъ, отче, отвѣчали оба, монашескаго житія» и стали просить его о принятіи ихъ въ монастырь, но Корнилій отвѣчалъ: «ты, чадо Григорій, войди въ эту убогую келью, а ты, Феодоръ, будешь имѣть жену и дѣтей»— сказанное имъ исполнилось: Григорій былъ постриженъ въ монашество подъ именемъ Генападія и сдѣлался любимымъ ученикомъ преподобнаго, а Феодоръ сталъ семьяиномъ.

Какъ мудрый духовный наставникъ и распорядительный хозяинъ пр. Корнилій, примѣняясь къ древнимъ отеческимъ правиламъ, подробно распределить всѣ церковныя службы и монастырскія работы, чтобы никто не оставался празднымъ, и вpushалъ всѣмъ при всякомъ руководствѣ постоянно имѣть въ устахъ молитву Іисусову. Всѣхъ-и своихъ и приходящихъ онъ училъ жить по правиламъ св. отцевъ, во всемъ покоряться волѣ настоятеля и молитвенно совершать подвигъ послушанія во все теченье жизни; самъ

преподобный, не смотря на свою старость, усугублялъ труды, бдѣніе и посты по мѣрѣ того, какъ умножалось число братіи, какъ бы желая восполнить ихъ недостатки своими подвигами. Постоянно стремясь къ горнему наслѣдію, блаженныи Корнилій мало заботился о пріобрѣтеніи вотчинъ и земныхъ стяженій, хотя, по расположению къ нему великаго князя, и могъ бы получить многое, онъ даже продалъ землю, находившуюся въ Пошехонскомъ уѣздѣ (подарокъ князя Семена Андреевича Шилешпанскаго) — чтобы она не могла служить братіи поводомъ къ отлучкамъ изъ монастыря. «Инокъ вѣнчалъ ограды монастырской, что рыба безъ воды», говорилъ онъ братіи и какъ самъ постоянно стремился къ уединенію и безмолвію, такъ и братію всегда убѣждалъ къ тому же. Какъ постриженіе Кириллова монастыря и современникъ пр. Нила Сорскаго, блаженныи Корнилій не чуждъ былъ его духа и во многомъ усвоилъ себѣ его взгляды на монашество. Это сколько радовало однихъ, лучшихъ изъ братіи, сколько же ненравилось другимъ. Ибо и въ средѣ Комельского братства были люди, которые пришли въ монастырь не столько для поста и молитвы, сколько для довольства и покоя; такимъ инокамъ, при всей своей кротости и снисходительности, пр. Корнилій не могъ не высказывать иногда истины и не дѣлать справедливыхъ замѣній и внушеній, они-то и распространяли ропотъ и неудовольствіе на блаженнаго Корнилія. Какъ основатель монастыря и игуменъ, опять имѣлъ полное право удалить ихъ изъ своей обители, а какъ старецъ уважаемый величимъ княземъ весьма легко могъ сдѣлать это, по незлобивый старецъ, давая мѣсто гнѣву, не хотѣль ихъ беспокоить и рѣшился самъ удалиться въ возжеленное сму уединеніе. Напрасно лучшіе изъ братіи уговаривали его не оставлять своей обители, старецъ остался не преблоннымъ и сказавъ имъ, что если и разстанется съ ними тѣлесно, душою всегда съ ними будетъ, приказалъ собрать всю братію, изобразъ

12 старшихъ учениковъ и заповѣдавъ имъ строго держаться давнаго имъ устава, поручилъ ихъ управлению обитель. Устроивши такимъ образомъ дѣла въ Комельской обители, пр. Корнилій съ однимъ только ученикомъ своимъ Геннадіемъ, вышелъ изъ монастыря и отправился искать себѣ уединенного мѣста для подвиговъ. Когда они пришли въ костромскіе лѣса, то старцу понравилось мѣсто на берегу Сурскаго озера близъ рѣки Костромы верстъ за 70 отъ Комельскаго монастыря, они построили здѣсь себѣ келью и стали жить отшельнически въ непрестанныхъ трудахъ, постѣ и молитвѣ. Корнилій, не смотря на свои преклонные лѣта, самъ рубиль лѣсъ и копалъ землю для посѣва хлѣба.

Узнавши мѣсто его жительства, братія посыпали просить преподобнаго, чтобы возвратился въ обитель и продолжалъ руководить ихъ ко спасенію, но блаженный старецъ и первоначально принявшій начальство неохотно, только по усилиной просьбѣ братіи, теперь какъ птица, вырвавшаяся изъ сѣтей, радъ былъ тому, что освободился отъ тяжелой заботы о другихъ, и въ тишинѣ пустынной кельи можетъ посвятить себя заботамъ о собственномъ спасеніи, поэтому, не смотря на просьбы и слезы посланныхъ, не захотѣлъ возвратиться. Вскорѣ по удаленіи пр. Корнилія въ пустынію, великий князь Василій Ивановичъ по пути въ Кирилловъ монастырь на богомолье для испрошеннія чадородія, посѣтилъ (зимою 1529 года) Комельскій монастырь и весьма удивился, не нашедши въ немъ Корнилія. Государь спросилъ братію,—но какой причинѣ удалился отъ нихъ Корнилій по благословной ли винѣ или вслѣдствіе какого нибудь неустройства и непріятности? Братія отвѣчали, что онъ ушелъ отъ нихъ любве ради Христовой, и со слезами просили великаго князя, чтобы онъ понудилъ старца возвратиться въ свою обитель. Тронутый ихъ просьбами и слезами, государь тогда же послалъ къ Корнилію нарочного съ повелѣніемъ,

чтобы онъ возвратился въ свой монастырь и ожидалъ его возвращенія изъ Кириллова. Пр. Корнилій, возвратившись въ сѣтель, взялъ съ собою трехъ учениковъ и отправился съ ними въ Вологду на встречу великому князю. Василій Ивановичъ радъ былъ свиданію съ великимъ старцемъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ и просилъ его молить Господа и Матерь Божію, дабы даровано было ему чадородіе, и потомъ съ честію отпустилъ его въ монастырь. На обратномъ пути великий князь въ другой разъ посѣтилъ Кюмельскую обитель и долго убѣждалъ преподобнаго не оставлять своего монастыря. Но пр. Корнилій кротко объяснилъ великому князю, что его дряхлость требуетъ покоя и безмолвія, и просилъ отпустить его въ пустыню. Государь, опасаясь огорчить старца, оставилъ на его волю—оставаться въ монастырѣ или удалиться въ пустыню, а для облегченія его трудовъ въ Сурской пустынѣ, назначилъ ей оброчное содержаніе, въ монастырь же далъ отъ себя вкладу 50 рублей и приказалъ теплую церковь пр. Антонія великаго вмѣстѣ съ трапезою обить досками. По возвращеніи въ Москву великий князь тотчасъ же послалъ въ монастырь на имя Корнилія жалованную грамоту, которой предоставлялось получать отъ вологодскихъ таможенниковъ ежегодно на крещеніе Христово по пяти рублей на рыбу. Но отъездъ великаго князя изъ монастыря скоро и старецъ Корнилій снова удалился въ свою пустынию и предался обычнымъ трудамъ и молитвѣ. Однако ни дремучіе лѣса, ни топкія сурскія болота не доставили ему вожделѣнаго безмолвія и уединенія. И сюда одинъ за другимъ стали приходить къ нему люди, желавши съ нимъ сожительствовать, они построили себѣ кельи близъ жилища старца и стали помогать ему въ пустынныхъ трудахъ. Когда собралось такимъ образомъ до шести иноковъ, пр. Корнилій вознамѣрился и здѣсь построить церковь и съ этою цѣлью отправился съ однѣмъ ученикомъ въ Москву (въ 1531 г.) просить государя и митрополита о дозвolenіи построить храмъ.

Не задолго предъ тѣмъ временемъ у великаго князя родился сынъ Иванъ,—государь, обрадованный рожденiemъ наследника, находился въ то время въ Сергиевомъ монастырѣ, куда отправился для принесенія благодарственной Богу молитвы. Здѣсь Корнилій встрѣтилъ великаго князя, который принялъ его съ великою честію какъ ангела Божія, благодарилъ за принесенное имъ поздравленіе и, намѣреваясь пробыть въ обители еще нѣсколько времени, послалъ старца впередь себя въ Москву, чтобы онъ благословилъ великую княгиню и новорожденнаго, такъ какъ его молитвамъ приписывалъ исполненіе своего желанія. Возвратясь въ Москву Василій Иваноповичъ осыпалъ Корнилія своими щедротами, ежедневно призывалъ къ себѣ на трапезу, сверхъ того посыпалъ ему и на домъ все необходимое для пищи—что старецъ тайно раздавалъ нищимъ и маломощнымъ. Но когда Корнилій сталъ просить дозвolenія построить въ Сурской пустынѣ церковь, великій князь, вспомнивъ слезное моленіе комельской братии и данное имъ слово возвратить старца въ обитель—рѣшительно отказалъ Корнилію въ его просьбѣ и объявилъ, что онъ долженъ возвратиться въ свой монастырь и по прежнену управлять братію. Такое приказаніе великаго князя показалось тяжкимъ для любителя безмолвія; Корнилій вполнѣ надѣялся на благосклонность и согласіе государя, неожиданный отказъ повергъ его въ великую скорбь, такъ что желая избавиться стѣ управлениія обителю и уклониться отъ жизнѣской молвы—рѣшился скрыться въ самой Москве въ домѣ одного христолюбца. Великій князь, не видя у себя старца, приказалъ его искать по всему городу, Корнилій узналъ объ этомъ и, чтобы не навлечь непріятности на хозяина дома, въ которомъ жилъ, тайно вышелъ изъ Москвы и удалился въ Троицкій Сергиевъ монастырь. Здѣсь съ любовію былъ принятъ настоятелемъ и братію и сталъ жить въ совершенномъ безмолвіи, когда же вѣсть о немъ дошла до великаго князя, онъ приказалъ прекратить поиски и не велѣлъ тре-

вожить старца, однако по случаю праздника Богоявления прибылъ самъ въ Троицкій монастырь, великий князь опять началъ сильно убѣждать Корнилія непремѣнно возвратиться въ свой монастырь. Старецъ не смѣлъ болѣе противиться волѣ великаго князя и принялъ сильное желаніе и настойчивость государя за указаніе воли Божіей. Великий князь весьма радъ былъ согласію старца и тотчасъ же послалъ въ Кемельскій монастырь нарочнаго съ приказаніемъ старцамъ придти и самимъ упросить своего авву, склонившагося на волю великаго князя. Старцы скоро пришли, своими слезами и моленіями тронули Корнилія, который окончательно согласился возвратиться въ свою обитель и вмѣстѣ съ ними предсталъ предъ лицо государя, прося себѣ отпущенія. Довольный его согласіемъ великий князь самъ вызвался надѣлить Кемельскій монастырь землями и вотчинами. «Слышалъ я, сказалъ онъ «Корнилю, что монастырь твой пе имѣеть ни сель, ни деревень, проси, что тебѣ нужно—дамъ все,—но преподобный отказался и просилъ только чтобы приписали къ монастырю нѣсколько земли съ лѣсомъ, находившейся въ окрестностяхъ монастыря и уже въ потѣ лица воздѣланной руками преподобнаго, просилъ для того, чтобы братія могли спокойно доставать себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ, такъ какъ это былъ единственный источникъ содержанія обители. Подивился государь нестяжательности старца и приказалъ отвести монастырю землю съ починками, лѣсомъ и со всякими угодьями, далъ Корнилю все необходимое на дорогу и отпустилъ съ миромъ, прося себѣ его молитвъ и благословенія. Велика была радость въ Кемельскомъ монастырѣ при возвращеніи Корнилія. Вся братія вышла изъ монастыря на встрѣчу преподобному и приняла его какъ ангела Божія, каждый искалъ припастъ къ ногамъ его или хотя прикоснуться къ его одѣждѣ. Радъ былъ и самъ старецъ, видя такое усердіе и единодушіе братіи, онъ всѣхъ обнималъ и цѣловалъ съ отеческою любовью и всѣмъ преподавалъ благословеніе. Достойный

ученикъ его пгуменъ Кассіанъ, по избранию самого старца управлявший монастыремъ во время двухлѣтияго его отсутствія, тотчасъ же сложилъ съ себя начальство, желая по прежнему быть въ послушаніи своего учителя. Принявши снова управление монастыремъ, пр. Корнилій, не смотря на свои преклонныя лѣта, предался обычнымъ трудамъ, рубилъ лѣсъ и воздѣлывалъ землю для хлѣбопашества. Однажды братія, повалившіи лѣсъ, пошли отдохнуть, а старецъ остался собирать хворость, чтобы сжечь его и очистить мѣсто, но когда онъ зажегъ хворость, пламя и дымъ окружили его со всѣхъ сторонъ и огонь столько усилился, что не было возможности выйти изъ него, тѣмъ болѣе, что этъ дыму не видно было куда надобно бѣжать. Предстояла неминуемая опасность быть сожженнымъ за живо, старецъ, видя это, призвалъ Бога на помощь и въ ту же минуту съ запада подулъ столь сильный вѣтеръ, что дымъ и пламя мгновенно разсѣялись и онъ какъ по улицѣ невредимо вышелъ изъ среды огня. Чудо было столь очевидно, что самъ старецъ почелъ нужнымъ рассказать о немъ братіи и, благодаря Бога за свое избавленіе отъ огня временнаго, напоминаль братіи объ огнѣ гесискомъ. Такъ при каждомъ удобномъ случаѣ старецъ, какъ мудрый и опытный наставникъ, старался назидать братію, особенно внушая имъ ни въ чемъ не имѣть своей воли, во всемъ хранить смиренномудріе, пребывать въ непрестанныхъ трудахъ и въ совершенномъ отчужденіи отъ всего мірскаго, молитвенно ожидая часа смертнаго. «Ибо, говорилъ онъ, пынѣшнія временные страданія, лишенія и труды ничего не стоятъ въ сравненіи съ наградами и славою, которыя уговарованы намъ въ будущемъ. Никто не долженъ считать за великое и хвалиться тѣмъ, если оставилъ какія либо блага въ мірѣ, богатство, славу, честь и тому подобное. Ибо, еслибы онъ не оставилъ ихъ самъ, такъ они и противъ его воли оставили бы его при смерти.» Побуждая всѣхъ къ трудамъ и подвигамъ, особенно юнымъ совѣтовалъ всячески избѣгать

иразности, обуздывать свои страсти тѣлесными трудами и беречься всего, что можетъ возмущать покой души.

Не позволяя себѣ ни малѣйшаго послабленія противъ прочей братіи, появляясь еще вездѣ первымъ, какъ въ церкви, такъ и въ полѣ, пр. Корнилій не отличался отъ нихъ и въ одѣждѣ и часто носилъ еще худшую, именно ту, которая другимъ казалась уже негодною. Такъ когда иночъ Закхей пришелъ къ нему въ мантіи, защитой лыкомъ, и сталъ просить лучшей мантіи, пр. Корнилій отдалъ ему свою, а его мантію надѣлъ на себя и долго еще ходилъ въ неї, получая братію стыдиться не одѣжды худой, а дѣлъ темныхъ.

Достигнувъ глубокой старости, будучи отягченъ недугами и чувствуя приближеніе смерти, пр. Корнилій хотѣлъ остатокъ дней своихъ провести въ затворѣ, такъ какъ ему тяжело уже было управлять умножившеюся братію и онъ не могъ по прежнему быть вездѣ первымъ и во всемъ подавать примѣръ другимъ, а управлять монастыремъ какъ инбудь и только числиться игуменомъ онъ не хотѣмъ и считалъ за грѣхъ. Поэтому, собравши всю братію и въ продолжительномъ поученіи изобразивъ обязанности иноновъ, онъ велѣлъ имъ строго соблюдать монастырскій уставъ, а самъ удалился въ Кирилловъ монастырь, гдѣ принялъ иноческое постриженіе и затворился въ кельѣ, чтобы въ безмолвіи окончить многотрудный подвигъ иноческаго житія и лучше подготовиться къ смерти. Братія оставленнаго имъ монастыря носили къ нему пять старшихъ иуважаемыхъ старцевъ просить его возвратиться въ обитель, а если не хочетъ управлять ею, то по крайней мѣрѣ для утѣшения братіи, тяготившейся разлукою съ нимъ, возвратился бы безмолвствовать въ свою обитель,—но старецъ не хотѣлъ и слышать обѣ этомъ. Тогда посланные обратились съ проосьбою къ игумену и старѣйшей братіи Кириллова монастыря, чтобы они помогли имъ убѣдить преподобнаго. Корнилій послушался со-вѣтовъ игумена (Досиѳея) и Кирилловской братіи и согла-

сился возвратиться въ Комельский монастырь, но съ тѣмъ, чтобы братія, прежде его возвращенія, избрала себѣ другаго игумена. Посланные спросили его: кого онъ хочетъ назначить себѣ преемникомъ? Лаврентія, отвѣчалъ старецъ. Послѣ сего посланные поспѣшили возвратиться въ свой монастырь и едва могли всѣмъ братствомъ убѣдить Лаврентія принять игуменство. Согласившись наконецъ на просьбу братіи, Лаврентій самъ отправился въ Кирилловъ умолять старца возвратиться въ свою обитель и не оставлять сиромъ собрата имъ стада. Усердіе и любовь учениковъ побѣдили учителя: умилившись слезами и прошеніями братіи, особенно игумена Лаврентія, пр. Корнилій простился съ Кирилловскими старцами, и сопутствующий своими учениками, направился въ свой монастырь, полагая, что совершаєтъ уже послѣднее свое земное странствованіе. Но Богъ судилъ иначе. По прибытии въ Комельский монастырь, пр. Корнилій утвердилъ выборъ новаго игумена, сдалъ ему управление братію и потомъ затворился въ кельѣ, не помышляя болѣе ни очемъ земномъ и ожидая только часа смертнаго, но вскорѣ еще разъ онъ долженъ былъ оставить монастырь и уже не одинъ, а вмѣстѣ со всею братіею.

Въ 1538 году казанскіе татары вторглись въ предѣлы Россіи и достигли окрестностей Вологды, все предавая огню и мечу. Слухъ о приближеніи враговъ встревожилъ учениковъ Корнилія, они поспѣшили уведомить его о приближающейся опасности и о томъ, что многіе и мірскіе люди и иночи спасаются отъ татаръ бѣгствомъ, и получили отъ него такой совѣтъ: «соторимъ человѣческое, бѣжимъ и мы, да «не вмѣнится намъ въ гордость. Если мы уцѣлѣемъ, остав «шись здѣсь, то не избѣжимъ отъ бѣса тщеславія. Не добро «самимъ вдаваться въ бѣду, Христосъ всемогущій самъ бѣ «жалъ отъ Ирода въ Египетъ, да научатся и другие не вда «ваться въ напасти.» Разсудивъ такимъ образомъ, онъ вмѣстѣ съ братіею вышелъ изъ монастыря и уклонился въ бѣ-

лозерскіе предѣлы на Ухтому и тамъ молился Богу о сохраненіи своей обители. Между тѣмъ татары, опустошивъ миѳія села, деревни и сосѣдніе—Ипюкентіеву пустынь и Павлообнорскій монастырь, устремились, по указанію вожатыхъ, къ Корниліеву монастырю. Но когда они подошли къ нему ближе, то онъ показался имъ большимъ, укрѣпленнымъ городомъ, окруженымъ множествомъ войска, готоваго къ сраженію. Считая себя обманутыми, татары избили своихъ проводниковъ и сами въ страхѣ бѣжали. Пр. Корнилій, услышавъ объ этомъ, вмѣстѣ съ братію возвратился съ Ухтомы въ свою обитель, радуясь и благодаря Бога за чудесное ея избавленіе,—онъ снова затворился въ кельѣ, день и ночь проводя въ молитвѣ и готовясь къ конечному исходу. Но и въ это время, угнетаемый старостію и недугами и уже отказавшійся отъ всего, онъ, какъ чадолюбивый отецъ, не отказывался благодѣтельствовать и помогать страждущимъ. Еще при жизни онъ обладалъ даромъ исцѣленій и хотя самъ страдалъ отъ недуговъ, но исцѣлялъ болѣзни другихъ, самымъ дѣломъ показывая, что сила Божія въ немощахъ совершается. У инона Іова былъ укушенъ палецъ, отъ чего вся рука разболѣлась, когда же онъ, во время вечерняго правила, подошелъ къ пр. Корнилію и показалъ ему свою болѣющую руку, то старецъ только взглянула на нее и сотворилъ молитву и—болѣзнь тотчасъ же прошла.

Монастырскій служитель Василій былъ посланъ Корниліемъ на какое-то дѣло виѣ монастыря и тамъ былъ раненъ ножемъ столь сильно, что его еле живаго принесли въ монастырь. Когда сказали о томъ Корнилію, то онъ велѣлъ позвать къ больному духовника, а потомъ и самъ пришелъ посѣтить его; подойдя къ больному, онъ ткнулъ пальцемъ въ его рану, отчего больной вздрогнулъ и вскричалъ, но въ ту же минуту почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Священикъ, причащавшій больнаго, видя, что онъ уже умираетъ, зашелъ къ нему на другой разъ въ увѣренности, что онъ не доживетъ

и до утра,— каково же было его удивление, когда онъ нашелъ его совершенно здоровымъ, какъ будто онъ и раненъ не былъ. На другой день Василій вмѣстѣ съ прочими пошелъ опять на работу.

Въ числѣ ближайшихъ и любимыхъ учениковъ Корнилія былъ юноша Геннадій, съ дѣтскихъ лѣтъ посвятившій себѣ иноческой жизни и старавшійся во всемъ подражать своему учителю. Когда пр. Корнилій удалился въ Сурскую пустынью, онъ изъ всей братіи только его одного взялъ съ собою, по возвращеніи же въ монастырь сдѣлавшись боленъ, приказалъ ему жить въ своей кельѣ, чтобы пользоваться его услугами. Подобно своему учителю Геннадій тяготился многолюдствомъ общежитія и стремился къ безмолвію, поэтому теперь видя учителя своего день отъ дня изнемогающимъ болѣе и болѣе, и выбравъ время стала просить его благословенія по кончинѣ его жить въ безмолвіи въ Сурской пустынѣ. «Не можешь мѣста того строiti, будучи безграмотенъ»—сказалъ ему старецъ; но Геннадій, привавши къ его ногамъ, со слезами продолжалъ просить его; «отче честный, «я не строить желаю, а плакать о грѣхахъ моихъ; благослови меня отче.» Тогда Корнилій видя, что ученикъ его проситъ съ вѣрою, благословилъ его и сказалъ: «Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ съ тобою и пречистая Богородица да будетъ тебѣ помощница; мѣсто то воздвигнется и ты отъ многихъ познанъ будешъ,» что все и исполнилось.

Вся жизнь Корнилія была однимъ непрерывнымъ служеніемъ Богу и ближнимъ, какъ свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ, онъ свѣтилъ современникамъ своими добродѣтелями. Ему было уже болѣе 80 лѣтъ отъ роду; отъ старости и трудовъ, отъ различныхъ скорбей и лишений здоровье его разстроилось, силы ослабѣли, жизнь видимо въ немъ дегорала, но и теперь онъ не хотѣлъ измѣнять и ослаблять своего правила, а когда ему бывало легче, по прежнему приходилъ въ церковь. Весною (1538 года) ему стало

тижелѣс и наконецъ горячка совершило изнурила его и уложила въ постель. Чувствуя приближеніе кончины, блаженный старецъ велѣль созвать къ себѣ игумена и всю братію, которой было тогда 90 человѣкъ бромѣ послушниковъ, и преподалъ имъ послѣднєе наставлениe, заповѣдуя и послѣ своей смерти строго исполнять данный имъ уставъ, для этого чаше прочитывать его на братской трапезѣ, совершать церковную службу со вниманиемъ и благоговѣніемъ и жить другъ съ другомъ въ мирѣ и согласіи. «Когда будете совершать о миѣ поминовеніе, «присовокупиъ старецъ, остатки братской трапезы раздавайте «нищимъ.» Въ пятницу четвертой недѣли по Пасхѣ блаженный старецъ велѣль вести себя въ церковь къ Божественной литургіи, въ послѣдній разъ причастился святыхъ Тайнъ и въ субботу совершилъ ослабѣль и началъ крайне изнемогать. Братія со слезами и плачемъ окружили его одръ и видя его предсмертныя страданія, столько скорбѣли и плачали о немъ, что многіе изъ нихъ не хотѣли пережить его и желали умереть вмѣстѣ съ нимъ, чтобы только не разлучаться со своимъ наставникомъ и отцемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя возможности сдерживать своихъ рыданій, сказали ему: «безъ тебя, отче, опустѣсть и монастырь нашъ, «потому что когда тебя не будетъ, многіе изъ насъ останутъ это святое мѣсто и разойдутся въ разныя стороны.» Тогда старецъ, видимо перемогая себя, уже слабымъ и прерывающимся отъ болѣзни голосомъ, отвѣтилъ имъ: «братія «и чада мои! не скорбите о томъ, что уже присіѣло время «почитать миѣ и разлучиться съ вами: не сиротами оставляю «васъ, но предаю васъ Богу и Его пречистой Матери. Опъ «да сохранить васъ отъ всѣхъ козней лукаваго! Ученикъ «мой игуменъ Лаврентій замѣнить вамъ меня и восполнить «недостатки ваши. Почитайте его, какъ меня самого.» Преподобный закончилъ свою бесѣду увѣщаніемъ, чтобы не было между ними никакихъ ссоръ и вражды, но чтобы всѣ жили другъ съ другомъ въ братской любви и согласіи. Тогда всѣ

стали подходить къ нему, со слезами прося послѣдняго его благословенія; умирающій старець, какъ чадолюбивый отецъ, съ любовію всѣхъ цѣловалъ и благословлялъ и самъ у каждого просилъ себѣ прощенія и молитвъ, приказавши въ то же время читать часы, канонъ Іисусу Христу, акаѳистъ Богородицѣ и канонъ великомученицѣ Екатеринѣ.¹⁾ По прочтении каноновъ старець самъ поднялся со своего ложа, взялъ кадильницу и склонивъ єиміамомъ св. иконы и предстоявшихъ, снова распростерся на одрѣ и съ молитвою на устахъ тихо предалъ душу Богу, такъ что и предстоящіе не замѣтили его кончины, ибо лицо его было свѣтло и весело и газалось, что старець не умеръ, а только уснулъ. Блаженная кончина его послѣдовала въ пятую недѣлю по Пасхѣ 19 Мая 7046 (1538) года.²⁾

Удалили въ колоколь къ утрени и игуменъ Лаврентій съ братію съ великою честію на головахъ понесли тѣло отца своего въ церковь, гдѣ немногого успокойившись отъ слезъ и рыданій, совершили воскресную службу. Въ тотъ же день вѣсть о кончинѣ пр. Корнилія разнеслась по окрестности; въ понедѣльникъ по утру собрались игумены близайшихъ монастырей и по совершенніи Божественной литургіи при чрезвычайномъ стеченіи народа, при всеобщемъ плачѣ и рыданіи, многотрудное тѣло преподобнаго было погребено близъ церкви Введенія во храмъ Богородицы,—въ 41 годъ по пришествіи Корнилія на это мѣсто и на 82 году отъ рожденія его.

Великий подвижникъ своимъ примѣромъ и наставленіями воспиталъ много мужей высокой духовной жизни, бывшихъ

1.) Современникъ Корнилія в. князь Василій Ивановичъ при кончинѣ своей также велѣлъ читать канонъ великомученицѣ Екатеринѣ.

2.) Въ письменномъ житіи и въ печатномъ Прологѣ сказано, что пр. Корнилій преставился въ 7045 (1537) году, но 10° Мал приводится на 5-й недѣль по Пасхѣ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ 1538 году.

впослѣдствіи основателями другихъ обителей, такъ его обитель сдѣлалась разсадникомъ иночества. Преподобные Кассіанъ и Лаврентій—игумены Комельсніе, Кириллъ Новоезерскій, Иродіонъ Илоезерскій, Симонъ Сойгинскій, Геннадій Любимскій, Филиппъ Ирапскій, Адріанъ Пошехонскій, Даніилъ Шужгорскій были его постриженіками и учениками.

Вскорѣ Богъ прославилъ своего угодника. Многіе изъ его учениковъ и посторонніе люди, знаяше преподобнаго лично и бывши свидѣтелями его подвиговъ и чудесъ, совершенныхъ имъ еще при жизни, начали призывать его и по смерти, посыпать могилу старца и по вѣрѣ своей получали просимое. Поэтому уже на четвертый годъ по преставленіи старца, какъ въ его монастырѣ, такъ и въ вологодскомъ Софійскімъ соборѣ и во всей вологодской странѣ стали ублажать его, какъ угодника Божія, и совершать память его по особо сочиненной службѣ. Были ли въ это время записываемы въ Корниліевѣ монастырѣ чудеса, совершившіяся при гробѣ преподобнаго, неизвѣстно, такъ какъ въ 1552 году случился въ монастырѣ пожаръ, во время которого сгорѣли даже вѣкотвориа жалованныя монастырю грамоты. Въ древнемъ рукописномъ житіи преподобнаго значится только 10 чудесъ и самъ жизнеописатель говоритъ, что онъ написалъ изъ многаго малое, только то, что было предъ нимъ незадолго.¹⁾ Вотъ вѣкотвориа изъ чудесъ преподобнаго.

Комельский помѣщикъ князь Семенъ Ивановичъ Гагаринъ, сдѣлавшись нездоровъ, приказалъ везти себя въ монастырь пр. Корнилія, приложился съ молитвою ко гробу его и тотчасъ получилъ исцѣленіе. Въ благодарность за это князь возложилъ на гробницу пр. Корнилія камчатный покровъ и

1.) На древней иконѣ пр. Корнилія, находящейся въ монастырѣ и писанной до 1743 года въ 44 изображеніяхъ представлены чудесныя исцѣленія пр. Корнилія, большую частію такія, которыхъ не записаны въ житіи.

поставилъ предъ иею мѣстную свѣчу,¹⁾ которую игуменъ приказалъ зажигать на всѣ воскресные и праздничные дни, что и продолжалось во все послѣдующее время, пока не случился въ монастырѣ недостатокъ воску. Прошло много времени, какъ свѣчу совершенно перестали зажигать и совсѣмъ о ней забыли, но вотъ однажды (8 Сентября) въ воскресный день въ первомъ часу дня казначей Іовъ, проходя мимо гроба преподобнаго, увидѣлъ, что свѣча зажжена, и донесъ о томъ игумену. Но когда казначей, келарь и иѣкоторые изъ братіи пришли ко гробу преподобнаго и стали молиться со слезами, то по окончаніи ихъ молитвы во второмъ часу дня, свѣча, доселе ясно горѣвшая, вдругъ угасла сама собою. Это случилось въ 18 годъ по преставлениіи преподобнаго. Въ томъ же году въ 9 пятницу по Пасхѣ во время вечерни (5 Июня) также свѣча зажглась въ другой разъ сама собою и съ того времени снова стали зажигать свѣчу на всѣ праздники.

Пришелъ въ Комельскій монастырь иночъ Корнилій изъ Владимира, онъ два года страдалъ зубною болѣзнию и быль принятъ въ число братіи. По прибытии его въ монастырь болѣзнь усилилась до того, что въ теченіи многихъ дней онъ не могъ ни ъесть, ни пить, ни спать,—лице и вся голова затекли у него такъ, что страшно было и взглянуть на него. Къ кому ни обращался онъ за совѣтами, чѣмъ ни лечился—пользы не было. Тогда больной, услышавъ, что многие получали исцѣленіе при гробѣ пр. Корнилія, одинъ разъ поздно вечеромъ послѣ месимоновъ тайно пришелъ къ его гробу и припадши къ нему долго и усердно молился, призываючи помочь преподобнаго. Послѣ молитвы возвратившись въ свою келью, онъ сѣлъ на лавку, думая о томъ, чѣмъ бы ему облегчить свою нестерпимую боль. Вдругъ келья его освѣтилась необыкновеннымъ свѣтомъ, ему явился

1.) Т. е. лампаду, вмѣсто масла наливаемую воскомъ, какія донынѣ пишутся въ Ростовѣ и въ Георгіевской, близъ Троицкой лавры.

пр. Корнилій съ жезломъ въ рукахъ и сказалъ: «ложись на твою постель, помилуетъ тебя Богъ.» Больной сталъ отрицаться, говоря, что болѣзнь не позволяетъ ему прилечь, но преподобный во второй разъ сказалъ ему: «ложись и отдохни немнога, помилуетъ тебя Богъ.» «Отче! возразилъ больной, «видиши лицо и голову мою какъ отебѣли, какъ же мнѣ прилечь на постели?» Тогда пр. Корнилій въ третій разъ сказалъ ему: «помилуетъ тебя Богъ, ложись» и указалъ перстомъ своимъ мѣсто, куда лечь. Иночъ, чувствуя нестерпимую боль, едва согласился послушаться старца и съ великимъ трудомъ приклонилъ голову свою къ постели и тотчасъ же крѣпко уснулъ. Заблаговѣстили къ утреи и жившій съ нимъ другой иночъ пришелъ будить его; «всю почь не даль ты мнѣ спать, а нынѣ, когда надобно идти къ утреи—спиши»—сказалъ онъ ему съ упрекомъ. Корнилій пробудившись не чувствовалъ уже никакой боли и ощупавъ лицо и голову нашелъ, что и опухоли нестало.

Нѣкто Мокій, жившій неподалеку отъ монастыря, сдѣлался нездоровъ: у него отнялась нога и онъ не только долгое время не могъ встать съ постели, но и уснуть ночью. Когда однажды ночью онъ обратился съ молитвою къ пр. Корнилію и положилъ обѣщаніе идти въ монастырь и поклониться его гробу, то въ ту же ночь почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и на другой день прия въ монастырь, исполнилъ свой обѣтъ.

Монастырскій крестьянинъ Прокопій Шестакъ былъ мучимъ печеністымъ духомъ, хлѣба не Ѣѣлъ. Богу не молился, ни съ кѣмъ ничего не говорилъ, страшно терзалъ себя и нападалъ даже на другихъ людей, такъ чтососѣди вынуждены были вязать его. Когда его привели въ монастырь и самъ игуменъ съ діакономъ пѣлъ о немъ молебенъ при гробѣ пр. Корнилія—сродники заставляли его молиться Богу и принуждали къ этому побоями, но онъ не слушалъ ихъ и только грызъ пальцы сво-

ихъ рукъ. Изъ церкви его отвели въ келью, гдѣ ночью явился ему пр. Корнилій съ крестомъ въ рукахъ и осѣнивъ его имъ сказалъ: «Прокопій! молись Господу Богу и не будь тебе зла отъ непріязненнаго духа и я не велю бить тебя.» Прокопій тотчасъ же пришелъ въ себя, отъ радости вскоцилъ и разбудивъ бывшихъ съ нимъ, рассказалъ имъ о явленіи ему преподобнаго. На другой день игуменъ зашелъ въ келью посѣтить его, потому что отъ бѣсовскаго томлешія, неяденія и побоевъ онъ былъ очень худъ и едва могъ сидѣть, но Прокопій вскочивши началъ просить игумена: «Отче, прошу тебя, не вели бить меня, ибо я уже молюсь Богу, да и Корнилій не велѣлъ бить меня,» и подробно рассказалъ о бывшемъ явленіи ему преподобнаго.

Монастырскіе работники, жившіе виѣ ограды въ кельяхъ, ночью на 1 Августа 7159 (1651) года, были разбужены крикомъ: «Корнилій, Корнилій!» Вставши они увидѣли совершенно нагаго человѣка, лишившагося разсудка, который ходилъ около монастыря и билъ руками въ монастырскія ворота, крича: Корнилій, Корнилій. На всѣ ихъ разспросы онъ отвѣчалъ только то, что Корнилій привелъ его къ монастырю, самъ прошелъ въ ворота, а его не пустилъ, потому онъ и стучится. По утру, когда съ благовѣстомъ къ утрени отворены были малыя монастырскія ворота и сторожа хотѣли ими провести безумнаго въ монастырь, онъ не пошелъ, а вырвавшись отъ нихъ и толкая въ святая ворота, приказалъ: «сюда, въ эти ворота прошелъ Корнилій.» По приказанію игумена его привели въ церковь, гдѣ онъ увидѣвши рабу и на пей образъ преподобнаго, говорилъ со смѣхомъ: «вотъ этотъ Корнилій привелъ меня къ воротамъ, когда же ему показали на иконостасѣ изображенія другихъ угодниковъ и спросили: не этотъ ли, или не тотъ ли привелъ тебя сюда, то безумный въ отвѣтъ обращался къ ракѣ преподобнаго и указывая на нее кланялся ей. Тогда имуменъ со священниками началъ пѣть молебенъ преподобному и когда по окон-

чаші молебна подвели безумнаго къ ракѣ и заставили по-
цѣловать образъ преподобнаго, то онъ тотчасъ же пришелъ
въ разсудокъ и со слезами рассказалъ о себѣ, что онъ Сергій—
крестьянинъ деревни Кібашъ обнорской волости, отъ чего
лишился разсудка—не знать, не помнить когда и кто снялъ
съ него одежду и где онъ ходилъ по лѣсамъ, полямъ и дे-
ревнямъ. Въ этомъ жалкомъ положеніи ему явился свѣтло-
образный старецъ, павшій себя Корнилемъ, онъ взялъ его
«за руку и сказалъ: «иди за мной въ домъ пречистыя Бо-
«городицы, въ нашъ монастырь, будстъ тебѣ милость Божія,
«да и я помогу тебѣ» и когда довелъ его до святыхъ вор-
отъ монастыря, то вдругъ сталъ невидимъ, потому онъ и
стучалъ въ ворота и просился въ монастырь. Сергій хорошо
заномнилъ видъ старца и говорилъ, что онъ былъ сѣдъ,
свѣтель лицемъ, взглядъ имѣлъ кроткій и умиленій, въ
рукахъ у него было посохъ, или клюка искусной работы и
что какимъ онъ изображенъ на иконахъ, такимъ точно явился
и ему. Сергій пробылъ послѣ исцѣленія три дня въ мона-
стырѣ, радуясь и благодаря Бога за свое чудесное исцѣленіе.

Въ 1600 году 21 Февраля патріархъ Іовъ собориѣ уста-
новилъ память пр. Корнилія праздновать повсемѣстно.

Моющіи пр. Корнилія нынѣ почиваютъ у сѣверной сто-
роны церкви, посвященной его имени, подъ балдахиномъ и
ракою, обложеною мѣдными посеребренными досками; на ра-
кѣ находится образъ преподобнаго во весь ростъ, украшенный
серебряною ризою. По наружному виду пр. Корнилій сѣдъ,
 кудреватъ, брада низкая. Изъ вещей ему принадлежащихъ,
 доселѣ сохранились слѣдующія: священническая его гра-
мота, 1.) часть власяницы и бѣлая шелковая съ краснымъ

1.) Божію милостію, се язъ Симонъ митрополитъ вселїи Руси по-
ставилъ есмь діака иноха Корнилія Федорова сына Крюкова въ чтецы и
въ подьяконы и въ діаконы и свершилъ есмь его въ попы въ свою
митрополію къ церкви пречистыя Богородицы Введенію въ пустыньку,
 на Комельской лѣсъ, на рѣку на Нурму, въ Костромскую десятину и да-

камчатнымъ оплечьемъ фелонъ, весьма ветхая и ушитая за-
платами.

Корнилевъ монастырь съ самаго основанія до 1693 года управлялся игуменами, а въ семъ году, по про-
шенію вологодскихъ гражданъ, для большей чести и просла-
вленія преподобнаго, патріархъ Андріанъ установилъ въ немъ
архимандрію съ среброкованною шапкою. Крестьянъ счита-
лось за нимъ 3088 душъ. По штатамъ 1764 года мона-
стырь поставленъ въ III классъ съ игуменскимъ настоятель-
ствомъ.

Свое письменное наставлениe братіи пр. Корнилій оза-
главилъ такъ: уставъ или правило о жительствѣ, отъ свя-
тыхъ Божественныхъ писаний избрашио, о устройсіи предан-
ныхъ нами образъ отъ святыхъ отецъ во спасеніе душамъ
и писаніемъ вдана сущимъ о Христѣ братіямъ моимъ, во
обители пресвятыя Богородицы, честнаго Ея Введенія, въ ней
же жительствуемъ—и раздѣлиль на XIV главъ. Въ немъ по-
слѣ трогательного предисловія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сход-
наго съ предисловіемъ къ уставу пр. Нила Сорскаго, въ I
главѣ говорится о церковномъ благочиніи во II, о благочиніи
трапезы, въ III, о пищѣ и питіи, въ IV, о томъ, чтобы не

литургисаетъ во святѣй Божіей церкви. И аще кто къ нему приходитъ
отъ дѣтей духовныхъ и да разсуждаетъ ихъ по правиламъ св. Апостолъ
и святыхъ отецъ имѣя и волю вязати и рѣшати по благословенію нашего
смиренья. И да не преходить отъ церкви къ церкви безъ нашего благосло-
венія или не явясь нашему намѣстнику или десятиинику. Аще ли преи-
детъ не явясь и да нелитургисаетъ по сей нашей грамотѣ. И сего ради
дана бысть ему грамота сія на утвержденіе его на Москвѣ лѣта семь
тысячи девятаго мѣсяца Февраля въ первый день. А по Господинову
по Митрополичу слову подпись діакъ Яковъ Кожуховъ. На оборотѣ
преемникомъ Симона собственно ручно подписано: Варламъ.—Грамота пи-
сана на столбцовой бумагѣ длиною около 4 вершковъ и къ ней привѣ-
шена на черномъ шелковомъ снуркѣ черная восковая печать съ изобра-
женіемъ Богоматери на одной сторонѣ и съ подписью на другой: Божію
милостію смиренный Симонъ митрополитъ всел Руси.

ѣсть и не пить нигдѣ, какъ только въ трапезѣ, въ VI, о одѣждѣ. Каждый братъ пусть имѣеть двѣ одѣжды, одну ветхую съ заплатами, другую крѣпкую, прочее — дѣло тщеславія и соблазнъ для братіи; въ VII, о томъ, что не слѣдуетъ ничего просить себѣ у стороннихъ; въ VIII, о томъ, что не слѣдуетъ имѣть никакой собственности. «Инокъ, имѣющій въ общежитіи что либо свое, малое или великое, чуждъ любви Божіей;» въ IX, о томъ, что не слѣдуетъ брать ничего безъ благословенія настоятеля; въ X, о томъ, что на общей работѣ слѣдуетъ быть съ молчаніемъ и молитвою; въ XI, безъ особенной нужды не посѣщать ни родныхъ, ни чужихъ; въ XII, не принимать подаяній для себя. «Если бы кто изъ великихъ людей или кто бы ни былъ, захотѣлъ раздавать милостыню по рукамъ: пусть лучше не будетъ такой милостыни, нежели принимать ее на раззореніе общежитія.» Въ XIII, — не терпѣть въ обители хмѣльныхъ напитковъ; въ XIV о томъ, какъ принимать приходящихъ въ монастырь съ имѣніемъ и въ XV, о томъ, какъ поступать съ вышедшими изъ монастыря, когда они снова придутъ въ него. — Все это писалъ я недостойный и грѣшный инокъ Корнилій мою рукою и предалъ братіи моей, говорится въ заключеніи. Желаю, чтобы какъ при жизни моей, такъ и по смерти, соблюдало сіе преданіе и часто прочитывало для напоминанія къ пользѣ душевной, да будутъ словеса сіи въ осужденіе въ день суда. И о мыѣ грѣшнемъ, господіе мои, молите Бога, яко да вашими молитвами получу отъ Христа Бога милость въ день славнаго Его пришествія.

Чтобы болѣе и ближе познакомиться съ духомъ и характеромъ пр. Корнилія, мы приводимъ здѣсь вполнѣ предисловіе его къ уставу. Кромѣ того, что оно исполнено смиренномудрія, дышетъ простотою первыхъ временъ христіанства и живо представляеть читателямъ самого писателя,

уставъ Корнилія есть единственный памятникъ, дошедший до насть отъ трудовъ Вологодскихъ чудотворцевъ.

Благословеніемъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа и споспѣщеніемъ Его пречистыя Матери, написалъ я для себя душеполезное сie писаніе и для присныхъ моихъ братій о Господѣ, которые мнѣ едионравны. Я васть называю братію, а не учениками, ибо одинъ у насть есть учитель Господь Іисусъ Христость, Сынъ Божій, давшій намъ божественное писаніе и по Немъ святые Апостолы и преподобные отцы, научавши и доселѣ поучающіе человѣческій родъ. Всѣ они сами прежде дѣлали благое и потомъ уже иныхъ поучали, а такъ какъ я не былъ доселѣ дѣлателемъ ни единаго блага, то, по крайней мѣрѣ, изложу божественное писаніе для тѣхъ, которые хотять спастись.

Писаніе говоритьъ, что мы здѣсь пришельцы и пресельники (Евр. XI, 13), послѣ же смерти ожидаетъ насть вѣчная жизнь, или въ радости, или въ муکѣ обрѣтаться будемъ судя по тому, какъ воздастъ Господь каждому по его дѣламъ. Посему подобаетъ папаче заботиться о той жизни, что послѣ нашей смерти и я доколѣ еще живъ, предаю писаніе сие братіи моей о Господѣ для моего и ихъ спасенія, возбуждая совѣсть ихъ къ лучшему, дабы сохранили себя отъ нерадѣнія и дурной жизни и отъ людей мудрствующихъ одно плотское, которые по лѣности впали въ сѣти общаго нашего врага.

Много мірскихъ людей приходитъ къ намъ, желая постриженія; я же, хотя и грѣшенъ и неразуменъ и немощенъ душою, однако приемлю и постригаю приходящихъ ко мнѣ. Стекаются также и иѣкоторые братія изъ другихъ монастырей, желая съ нами жительствовать, я принимаю и ихъ, хотя вовсе не желаю начальствовать, лишь бы всѣмъ намъ, малымъ и великимъ, сохранить заповѣди Божіи и преданія св. отецъ и жить въ совершенномъ согласіи, не извиняясь тѣмъ, что будто бы невозможно нынѣ слѣдовать по стопамъ

святыхъ отецъ. Если мы и немощны, довольно уже и того, что хотимъ послѣдовать, хотя и не можемъ съ ними сравниваться. Не желающіе соблюдать сего устава, пусть перестанутъ докучать моему окаянству, ибо не я прихожу къ нимъ, чтобы у нихъ начальствовать. Если и у насъ живущіе не стараются все сіе соблюсти и не слушаютъ нашихъ словъ, не дамъ я за нихъ отвѣта Богу и невиненъ буду въ ихъ самочинії; если же хотятъ они жить по сему уставу, тѣмъ охотнѣе пріемлю ихъ, возвѣщаю имъ слово Божіе, хотя и самъ не исполняю его. Но быть можетъ, ради ихъ послушанія и молитвъ, сподоблюся и я спасенія.

Много насъ глаголющихъ и мало творящихъ, говорить св. Максимъ: слово Божіе никто не долженъ таить своимъ нерадѣніемъ, но исповѣдать свою немощь и не скрывать Божіей истины, да не будемъ повинны въ преступлениі заповѣдей. Трепещу пророческаго писанія, возвѣщающаго, что настоятель будетъ истязанъ за всѣхъ подъ нимъ сущихъ. Если можетъ отсѣчь ихъ отъ зла и не отсѣкаеть, то Богъ взыщетъ отъ руки его кровь ихъ, и самъ онъ вмѣстѣ съ ними погибнетъ за нерадѣніе; если же обличить ихъ, но не-возможеть удалить отъ зла, по крайней мѣрѣ избавить тѣмъ собственную душу, они же умрутъ въ грѣхѣ своемъ. Посему умоляю васъ отцы и братія, и чада мои возлюбленные, ради любви Христовой и спасенія моего же и вашего, попечимся о душахъ нашихъ, искорбимъ о мимошедшемъ времени житія нашего и подвигнемся для будущихъ благъ, дабы, проводя въ перадѣніи здѣшнее житіе, не быть намъ осужденными въ страшное пришествіе Господне. Какимъ образомъ узримъ мы своими очами, въ день Господень великий, страшное лицо Христа, сияющее иначе солнца, когда будетъ опредѣлять праведнымъ неизреченное благо, грѣшинымъ же томленіе и муки?

Что можетъ быть тяжелѣе и горче той скорби и печали и для насъ постыднѣе того, какъ говорить св. Ефремъ, когда

увидиши, что мірськіе люди живши съ женами и дѣтьми и заботившися о мірскомъ, удостоены царствія небеснаго, а мы, которые все оставили, отца и мать, жену и дѣтей и присныхъ и весь міръ и все, что въ немъ есть сладкаго, мы, постоянно пребывающіе въ скорбяхъ и бѣдахъ, борясь съ тѣлесными страстями нашими, какъ бы со львомъ и зміемъ, мы осуждены будемъ съ мытарями и грѣшниками, ради малаго небреженія и преслушанія? Какимъ образомъ, оставивъ большее, неразумно прельщаемся ничтожнымъ и ради того отпадаемъ отъ любви Христа Бога и въ страшный часъ смерти люто истязаны будемъ! Если, по словамъ Василія великаго, сами духовные отцы наши великие свѣтильники и св. мученики не безъ истязанія проходили мытарства воздушныя въ часъ разлученія души отъ тѣла, то мы окаянные какъ избѣжимъ ихъ? И какое помилованіе получимъ ежечасно прогнѣвляя Господа, живя беззаботно во всякомъ довольствѣ, имѣя готовыми пищу и одежду и все, что потребно для тѣла, если о единой душѣ нашей не хотимъ позабочиться? Мы не только не имѣемъ въ памяти нашей того, что совершенно отреклисѧ отъ міра и обѣщались Христу терпѣть всякую скорбь и тѣсноту иноческаго житія, въ постоянномъ послушаніи и нищетѣ; но даже и о маломъ своемъ правилѣ не хотимъ имѣть заботы,—о томъ, какъ подобаетъ намъ быть въ церкви и въ кельѣ и такимъ образомъ безъ всякой заботы о нашемъ спасаніи живемъ въ обители просто, какъ міряне.

Намъ кажется уже весьма важнымъ то, что мы отреклисѧ отъ міра словомъ, хотя на дѣлѣ нисколько и нехочемъ подумать о томъ, что вскорѣ должны умереть, какъ отцы наши и братія предстать неліцемърному судилищу Христову, чтобы воздать Ему отвѣтъ за всѣ наши дѣла, слова и помысленія. По истинѣ страшенъ и немилостивъ судъ сей нерадивымъ. Аще бо праведникъ едва спасется, нечестивый же и грѣшникъ гдѣ явится? (I Петр. IV, 18). Потому, хотя

отыни попечемся о зановъдяхъ Господнихъ, о отеческихъ предапіяхъ, написанныхъ намъ въ уставѣ на основавіи священіаго Писанія и по завѣщанію великаго Василія, который говоритьъ, что прежде всего подобаетъ инокамъ, находящимся въ общежитіи, не имѣть ни въ чемъ своей воли, но во всемъ повиноваться настоятелю и держаться послушанія со смиреніемъ и трудиться тѣлесно сколько есть силъ и быть готовымъ на всякое послушаніе, особенно же молодымъ, чтобы все исполнять въ обители со тщаниемъ и благообразно по установленному порядку.
